

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. М. ПЛИСЕЦКИЙ

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭПОСА В УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Встречаясь в жизни с новым, только что возникшим явлением, мы естественно задаем себе вопрос — почему оно возникло? Но сталкиваясь со старым, издавна существующим явлением, мы далеко не всегда ставим подобный вопрос. Так и в литературе при появлении нового направления или жанра критика обычно интересуется тем, что вызвало к жизни это новое явление, но мы, родившиеся через тысячи лет после возникновения многих народно-поэтических жанров, мало задумываемся над тем, почему народ их создавал. А между тем для того, чтобы разобраться в истории жанров, в том числе и героического эпоса, нужно понять, с какими потребностями общества связано их возникновение. И прежде всего нужно отказаться от мнения, будто все они созданы лишь для того, чтобы удовлетворять эстетическим потребностям человека, ибо оно очень мало объясняет, — например остается неясным, почему же понадобились именно такие формы, как героический эпос, сказка, загадка и др., а не какие-нибудь иные? Да и сами эстетические потребности нельзя, как известно, рассматривать абстрактно, они весьма различны для разных исторических эпох и классов¹. Эстетические потребности человека периода первобытно-общинного строя не только не совпадали с эстетическими потребностями людей последующих формаций, но и вообще были теснее связаны с его практическими задачами. Так, мифы были необходимы для объяснения явлений природы; они на ранней стадии развития общества синтезировали часть его опыта по освоению природы. Связанная с магическими воззрениями и мифологией календарная обрядность была призвана обеспечить успех хозяйственной деятельности человека. Свадебная обрядность, также связанная в известной степени с магическими представлениями, в условиях первобытно-общинного строя должна была обеспечить успех группового (а затем и других форм) брака, а обрядность похоронная — переход умершего к предкам и их содействие деятельности рода. Пословицы фиксировали в афористической, удобной для запоминания форме освоенные человеком закономерности (наблюдения над природой, жизнью общества), моральный кодекс, а загадки, может быть, употреблялись для проверки умственной зрелости юношей, получавших права членом рода. Все эти жанры появились в различные периоды

¹ См. об этом, например, известные высказывания К. Маркса: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. III, стр. 627 и 660.

первобытно-общинной формации. На более позднем ее этапе появились легенды и предания об истории племени.

Сказка в ее нынешних формах, вероятно, является относительно поздним жанром, в котором слились тёмные рассказы, связанные с происхождением рода (они превратились в животный эпос), переработанные художественно мифы, воплощавшие народные технические и социальные идеалы (эти мифы были поглощены впоследствии волшебной сказкой), и относительно поздние развлекательные произведения, обогащенные впоследствии социальным содержанием и превратившиеся в сказки-новеллы и в авантурные сказки. Отметим, кстати, что различие между мифологическим и развлекательным повествованием существовало, вероятно, уже на поздней стадии первобытно-общинного строя; это можно подтвердить на материалах фольклора ряда современных отсталых народностей². Коротко говоря, можно утверждать, что фольклорные жанры возникали прежде всего в связи с практическими потребностями общества, и лишь затем по-настоящему развилось, по выражению К. Маркса, «художественное производство, как таковое»³, уже специально для удовлетворения социально-эстетических потребностей (фантастическая, авантурная, социально-новеллистическая сказка, баллада, лирическая песня).

Первоначально художественное творчество имело иной характер и было менее разносторонним, нежели мы привыкли наблюдать в современном обществе: «Производство идей, представлений, сознания,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁴. Важно отметить, что художественное творчество первоначально представляло собой единое целое с представлениями людей об их истории.

Необходимо учитывать также и тот факт, что, как это ни странно на первый взгляд, творческая фантазия первобытного человека была довольно ограниченной. Иные представления первобытного человека могут казаться нам фантастическими, но ему они такими не казались, они были результатом его конкретно чувственных восприятий действительности, для него мифологические образы не были фантазией. Правильно отмечал еще И. Франко: «Первобытный человек почти ничего не создает на основе фантазии и не может создавать, так как эта фантазия у него чрезвычайно бедна ввиду малого количества и малой разнородности воспринятых впечатлений»⁵. Лишь с течением времени (но еще в первобытно-общинную эпоху) происходит постепенное развитие творческой фантазии, в результате чего возникают и развлекательные жанры.

К сказанному нужно добавить, что отношение к образам фольклора и художественной литературы (за исключением заведомо развлекатель-

² Так, у нанайцев имеется два основных фольклорных жанра: нингман (сказки) и тэлуңгу (предания). Сюжеты нингман, в отличие от тэлуңгу, воспринимаются «как некоторый вымысел», что подчеркивается традиционной концовкой — «далеко ли было, близко ли было». Тэлуңгу (от «тэли» — «тогда»), т. е. «относящиеся к тогдашнему, прошлому времени», включают: 1) исторические предания, отражающие реальные исторические факты, как, например, появление русских на Амуре, маньчжуро-китайское владычество, межродовые войны; 2) мифы, например о животных; 3) легенды, например о сильных людях, о шаманах и проч. (См. М. А. К а п л а н, Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора, Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1949, стр. 3, сл.). У ненцев к основным жанрам относятся сюдбац (песни о великанах) и вадако (сказка). К исполнению первых слушатели, как свидетельствует ряд исследователей, относятся с величайшим вниманием; песни эти включают много мифологических элементов. Вадако рассказывается обычно шутливо и воспринимается как выдумка (См. З. Н. Куприянова, Основные жанры ненецкого фольклора, кандидатская диссертация, 1946, стр. 58—60. Рукопись хранится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина). Все эти линии развития можно проследить и в восточнославянской сказке, представляющей собой, с точки зрения ее источников, весьма сложный комплекс.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 12, стр. 736.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 24.

⁵ И. Франко, Вибрані статті про народну творчість, Київ, 1955, стр. 56.

ных жанров) как к повествованию о действительно имевших место фактах в некоторой степени сохраняется в народе и теперь. Ясно, что такое отношение связано со старыми взглядами на поэзию, возникшими в эпоху, когда еще не существовало художественного вымысла в его современном значении.

Разумеется, эпические произведения в период своего возникновения не были совершенно точными в изображении конкретных фактов, героев и т. п. Эта точность была относительной. Уровень реализма был ограничен достигнутым в данную конкретную эпоху уровнем типизации и индивидуализации образов, зависел и от идеологии авторов. Но народные певцы стремились к правдивому отражению действительности, причем созданные ими песни отражали взгляды народных масс, выражали социальные (а в классовом обществе — классовые) тенденции.

Если первым фактором, оказывавшим влияние на возникновение жанров, была потребность в «литературе» определенного рода, удовлетворявшей те или иные запросы общества, то вторым фактором были реально существующие возможности их устного бытования, определявшиеся уровнем развития человеческих чувств, способностей, памяти. Устное бытование ограничивало и вводило в определенные рамки развитие тех или иных жанров, не допуская, например, перерастания сказки-новеллы в форму романа, где имелось бы много сюжетных линий, или развития драматических сцен до уровня сложных многоактных пьес и т. п. Реальные условия устного бытования закрепляли определенную, довольно простую «цепную» композицию сказок, традиционную поэтику песен и сказок с их «общими местами» и т. п. Воздействие этих двух факторов необходимо учитывать и при выяснении условий возникновения героического эпоса.

* *
*

Выясняя условия, способствовавшие возникновению героического эпоса, следует вспомнить мнение К. Маркса о том, что эпос в его классической форме относится к эпохе, предшествующей тому времени, когда начинается «художественное производство, как таковое». Если эпос развился раньше, то отсюда следует сделать вывод, что он имел во время возникновения не эстетические, а какие-то другие, практические цели. Периодом возникновения эпоса К. Маркс считал поздние стадии первобытного общества.

Считая временем возникновения восточнославянского героического эпоса период военной демократии и затем ранний феодализм, мы должны прежде всего отделить последний от других этапов феодализма. Известно, что социально-политические условия на различных стадиях феодализма, при всем сходстве их основы, были весьма различны. Период раннего феодализма многими своими особенностями, в том числе и формой государственной власти, отличался от последующих стадий данной социально-экономической формации. Некоторые из этих особенностей периода раннего феодализма способствовали развитию эпоса.

Героико-эпическая поэзия (предания и героические песни) была важным средством сплочения населения в период возникновения государственности и начала развития национального сознания. Героико-эпическая поэзия была также средством борьбы народных масс с возникающей классовой (рабовладельческой или феодальной) верхушкой, присваивавшей родоплеменную собственность, укреплявшей свое право на эксплуатацию членов рода, устанавливавшей привилегии для себя. Указанные жанры находят широкое развитие впервые именно на стадии изживания племенной изоляции и создания первых форм государственности. Ф. Энгельс со всей определенностью отнес гомеровский эпос к этому периоду: «Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами

в поэзии Гомера, особенно в Илиаде⁶. Указав затем на отражение у Гомера различных особенностей данной эпохи (в том числе возникновение художественного ремесла и «зачатки архитектуры как искусства»), Энгельс дает общую оценку историческому значению этого эпоса: «...Гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию»⁷.

Общественные отношения на последней стадии первобытно-общинного строя и затем в период раннего феодализма требовали создания и сохранения исторического эпоса, роль которого, ввиду отсутствия или ограниченного распространения письменности, была особенно велика. Историческая поэзия в условиях возникновения и развития национального самосознания народа и государственности была жизненно необходима не только как общественно-воспитательный фактор, но и как исторический документ. Возникновение летописания, продиктованное по сути той же необходимостью фиксации исторических событий, не могло в полной мере обеспечить соответствующие нужды общества. В то же время широкое развитие летописания является лучшим свидетельством настоятельной потребности общества, начиная с первых этапов создания государственности (в частности, на Руси), в фиксации своей истории⁸.

Период военной демократии является временем возникновения героического эпоса и достижения им у многих народов высокого уровня развития или даже наивысшего расцвета, чему способствовало и то, что государство в своих первоначальных примитивных формах не было еще полностью отчужденным от масс и еще не воспринималось как враждебное массам. «Ведь в это время, — писал Энгельс, — когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете»⁹.

Даже значительно позже, на первой стадии раннефеодального общества, верхушка не была полностью отгорожена от проникновения представителей широких трудовых слоев: «Боярство еще не успело замкнуться в касту; еще в рядах «мужей храбростующих» можно было встретить выходцев из народных масс»¹⁰. Функции государства были ограниченными¹¹.

Вполне естественно, что героический эпос периода военной демократии, а в определенной мере и периода раннего феодализма, не был направлен против государства в целом, ибо интересы масс еще не были с такой ясностью противопоставлены интересам социальной верхушки, выраженным в действиях государства, как это было впоследствии. И не случайно Н. А. Добролюбов, обладавший особой чуткостью к народности художественных произведений, подметил, что в древности в народной поэзии выражались «действительно общенародные интересы и воззрения на жизнь»¹². В. Г. Белинский указывал, что в эпическом поэме «сам поэт еще смотрит на события глазами своего народа, не отделяя от этого события своей личности»¹³. Первобытное мышление было прежде всего мышлением, связанным с родовым строем, и оно было весьма устойчивым¹⁴.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 13.

⁷ Там же.

⁸ О связи летописания с потребностями общества в период объединения Руси см.: Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 87—88 и др.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 84.

¹⁰ В. В. Мавродин, Очерк истории древней Руси до монгольского завоевания, «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 17.

¹¹ См. характеристику «государства Рюриковичей» Марксом («Секретная дипломатия»), а также замечания Энгельса об ограниченности функций восточных государств (письмо К. Марксу 6 июня 1853 г., Соч., изд. 1-е, т. XXI, стр. 494).

¹² Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 3-х томах М., 1950, т. 1, стр. 289.

¹³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, М., 1954, стр. 37.

¹⁴ «Но моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 97).

Одним из самых первых художественных проявлений политического сознания масс являются предания. Историческое предание можно рассматривать как один из многих факторов общественного развития в период разложения первобытно-общинного строя, во время ломки общественных отношений. Предания особенно хорошо сохраняют свою достоверность в тех случаях, когда являются подтверждением народных прав на определенное имущество, угодыя и т. д. Э. Тейлор в «Антропологии» приводит ряд поразительно достоверных древних преданий островитян Самоа, Новой Зеландии и др. Некоторые из этих преданий сохранялись в течение жизни 18 поколений (от 400 до 600 лет); они повествуют о том, как сюда приплыли предки ныне существующих родов, указывают точные места высадки судов, имена вождей и т. д.¹⁵ Тейлор не сделал из приведенных фактов необходимых выводов: ведь эти предания, фиксировавшие место высадки каждого рода, сохранялись особенно тщательно именно ввиду необходимости для родов обеспечить в правовом отношении занимаемую ими территорию.

Развитие исторических преданий в рассматриваемую эпоху связано с развитием права; фактические отношения между индивидуумами начали приобретать форму всеобщего права¹⁶.

Именно для закрепления новых правовых норм и потребовались среди прочих средств и предания. Конкретные общины при помощи преданий обосновывали те или иные свои права. А впоследствии, когда родоплеменная верхушка пыталась обосновать свои права на узурпацию общинной или племенной собственности¹⁷ и на различные привилегии, народная масса, ссылаясь на существующие традиции, обычное право (зафиксированное в преданиях), оказывала ей сопротивление. Вместе с тем исторические предания и исторический эпос служили делу становления народности и ее сплочения. Если раньше целям сплочения членов рода и групп родов неплохо служили тотемные и другие мифы, доказывавшие их изначальную близость, то в период создания государственности и народностей потребовались уже исторические свидетельства об общей борьбе населения страны с внешним врагом, о давнем политическом единстве племен и т. п. При этом исторические предания развивали патристические чувства, способствовавшие сплочению населения в борьбе с внешними врагами.

Такую роль играли, например, предания у казахов (правда, уже в новое время, в XVIII в.) в довольно типичных условиях родоплеменной борьбы. «В это богатое событиями и трудное время,— пишет Н. С. Смирнова,— эпос возникал не как простой отклик на происходящее. Целью его авторов было пропагандировать спасительные для народности идеи — идеи всенародного сплочения и всенародного отпора джунгарам»¹⁸. Предания хорошо помнят действительную топонимику событий; особо выделяются маршруты походов и места битв, побед и заключения мирных договоров», сбереглись также имена военачальников и дипломатов. Предания имеют «местный» характер; лучше всего они сохраняются там, где живут потомки участников событий.

В период военной демократии большое развитие получает война. Эта «форма сношений»¹⁹ также порождала предания, утверждавшие права завоевателя²⁰, укреплявшие авторитет военачальников и права участников похода. При этом в период военной демократии историческое предание

¹⁵ Э. Тейлор, Антропология, СПб., 1908, стр. 371—372.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 336—337.

¹⁷ Там же, стр. 361.

¹⁸ Н. С. Смирнова, Проблема исторического и эпического в казахской литературе XVIII века, «Вестник АН КазССР», 1948, № 5, стр. 56—57.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 21.

²⁰ Эти права, впрочем, аннулировались, как только покоренный оказывался в состоянии оказать серьезное сопротивление завоевателю; неудивительно поэтому, что предания о завоеваниях лучше сохранялись у победителя, нежели у побежденного.

часто было уже совершенно лишено каких бы то ни было элементов мифа. Немало подобных преданий существовало и на Руси, и часть их была включена в «Повесть временных лет». В отдельных случаях предания Киевского периода, хотя и в чрезвычайно измененном виде, дожили до наших дней, иногда сохранили даже имена. Так, на Волыни зафиксированы предания о «шелудивом Буняке», в котором легко выявить исторический прототип половецкого хана Боняка, зверствовавшего на юге Руси на рубеже XI—XII вв., которого летописец тоже называл «шолудивым» и считал волшебником, умеющим сноситься со зверями (современные сказители называют его «характёрником») ²¹. Сохранили предания память об имени и профессии молодого воина Яна Усмошвеца, победившего печенежского богатыря. В сказках он назван Кожемякой ²².

С развитием классовых отношений идейное содержание исторических преданий усложняется, в них возникают два классово различных направления.

Ф. Энгельс указывал такие существенные особенности процесса разложения этого строя: наследование имущества детьми, что усиливало семью в противовес роду; образование первых начатков дворянства и монархии в результате имущественных различий; развитие рабства, распространившегося на сородичей; превращение войны в систематический разбой, в регулярный промысел; «злоупотребление древними родовыми учреждениями» для оправдания грабежа. Государство и явилось тем учреждением, которое было направлено против «коммунистических традиций родового строя» и увековечивало «право имущего класса на эксплуатацию неимущих» ²³.

Отношение к этим новым социальным явлениям и размежевывает в идейном отношении народные исторические предания и предания нарождавшегося эксплуататорского класса. Последние имели своей целью оправдание «злоупотребления древними родовыми учреждениями», порабощения сородичей, систематического грабежа, дискредитацию традиций общины и, таким образом, были направлены на укрепление позиций господствующей верхушки и ослабление сопротивления зависимых масс. Народные же предания отражали борьбу народа против нарушений освященного традицией распределения имущества, против классовых привилегий и злоупотребления древними родовыми учреждениями, призывали к единству в борьбе с врагами, внешними и «своими». Героем народного предания был выходец из масс. Если же его герой являлся представителем социальных верхов, то это был «справедливый» властитель, талантливый полководец, заботящийся о народе и опирающийся на простых людей, защитник родной земли. Героем преданий эксплуататорского класса был представитель знати; представители широких масс играли здесь только эпизодическую и служебную роль, чем подчеркивалось господствующее положение основного героя. Если прототипом преданий двух враждующих классовых сил было одно и то же историческое лицо, то оно обычно изображалось с совершенно различными идейных позиций ²⁴. Следует учесть, однако, что передовая часть социальной верхушки не отка-

²¹ Буняке посвящено несколько работ. Тексты предания см.: М. Драгоманов, Малорусские народные предания и рассказы, Киев, 1876, стр. 224, 225; О. Коїбегг, Рокисе, I, 1882, стр. 345 и др.

²² См., например, украинскую сказку о Кирилле Кожемяке (Н. Костомаров, Исторические монографии, изд. 1-е, т. 1, Спб., 1872, стр. 138—139), тамбовскую сказку о Никите Кожемяке (И. Худяков, Народные исторические сказки, «Журнал Министерства народного просвещения», 1864, кн. 3, стр. 57—58). Ср. имя Яна Кожевникова среди богатырей в сб. «Ярославский фольклор» (сост. Б. Быстров и Н. Новиков, Ярославль, 1938, стр. 28).

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 87.

²⁴ Таков, например, образ Аблай-хана; см. работу Н. С. Смирновой о казахском эпосе «Еще о проблеме исторического и эпического в казахском эпосе XVIII века». («Вестник АН КазССР», Алма-Ата, 1949, № 1, стр. 60—67).

зывалась от идеи единства в борьбе с внешним врагом, и в этой часе творчество временами сближалось с творчеством народным.

Историческая песня лучше, нежели предание, служила целям фиксирования исторических событий, так как ее форма способствовала заплению содержания.

Не следует игнорировать те реальные возможности, которые представляет ритмичность песенного текста для облегчения его запоминания. Русский народ говорит: «Из песни слова не выкинешь». Подобные пословицы имеются и у других народов. Не случайно сказители не любили былины в прозаической форме, придавая большое значение их складу. И дело не только в размеренности ритмизированной речи, но и в связи ритма с эмоциональной речью. Нельзя ничего возразить против того факта, что из колоссальной массы преданий, возникавших на Руси в течение тысячелетия, в устном бытовании их дошло до нас значительно меньше, чем былины. В частности, исторических преданий периода Киевской Руси в XIX—XX вв. записано очень мало, хотя возникало их несравненно больше, нежели песенных произведений (так же, как, например, о событиях и героях Великой Отечественной войны рассказывалось неизмеримо больше, нежели попало в песни и стихи). Песенная форма играет немалую роль в закреплении текста, к ней обращались многие народы для сохранения памяти о великих событиях. Известны слова новгородского певца, сказанные Форизлю: «Я не умею читать и писать, поэтому, чтобы не забыть совсем этой истории, я сложил из нее песню». Поль Лафарг придавал особое значение этому свидетельству. Он привел его в своей известной работе «Свадебные песни и обычай. Этюд о возникновении семьи» для обоснования своей мысли: «Наши песни — единственное средство, знакомое некультурным народам и применяемое ими, чтобы сохранить результаты ежедневного опыта и поддержать память о выдающихся событиях»²⁶.

Довольно большой материал, имеющий отношение к вопросу о создании песен для сохранения памяти о событиях, подобран В. Иконниковым: Гомер свидетельствует о том, что все существенное в событиях отражалось в песне; такую же задачу выполняли шотландские и ирландские барды, армянские гусаны, также тибетские певцы; Э. Тэйлор указывает в «Антропологии», что все варварские племена передают свои исторические знания в песнях, хранящихся много поколений; песни рассматриваются ими как неоспоримый источник, который привлекается для выяснения спорных вопросов их истории²⁷. Добавим некоторые новые факты. В исландских сагах (период их создания 930—1030 гг.) Snorre уже имеются ссылки на песни, которые должны подтвердить достоверность сообщенных сведений. Так, «Сага об Эгиле», сообщая о победе одного из героев в битве при р. Двине, присовокупляет: «как об этом рассказывается в песнях, сложенных в его честь»²⁸. «До сих пор норвежские крестьяне, — пишет Б. И. Ярхо, — помнят свою генеалогию на много поколений назад. Древние исландцы тщательно берегли память о предках, составляли длинные родословные таблицы, каждый род имел свою сагу; в бытовых сагах о главных действующих лицах почти всегда говорится, чьи они дети, чьи внуки»²⁹.

²⁵ См., например, мнение Г. А. Якушова (сб. «Онежские былины». Подбор былины и научная редакция текстов Ю. М. Соколова, Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, «Летопись», Гос. литературный музей, кн. 13, М., 1948, стр. 69).

²⁶ П. Лафарг, *Очерки по истории культуры*, М., 1925, стр. 51—52.

²⁷ В. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. II, кн. 1, Киев, 1908, стр. 2—12.

²⁸ «Исландские саги». Редакция, вступительная статья и прим. М. И. Стеблин-Каменского, М., 1956, стр. 127.

²⁹ «Сага о Волсунгах», Перевод, предисловие и прим. Б. И. Ярхо, М.—Л., 1934, стр. 48.

В. Иконников приводит еще следующие факты. Перуанские поэты пели во время народных праздников песни о знаменательных походах. На пирах у Аттилы также исполнялись песни о его войнах. Тацит свидетельствует, что у германцев древние песни заменяли историю и летопись». В связи с этим, по распоряжению Карла Великого, было предпринято собрание германских песен. Много данных имеется о норманских поэтах-певцах, обязанных воспевать героев походов, часто в их присутствии. Порой для лучшего запоминания в песенную, т. е. ритмическую, форму заключался и непоэтический текст, например юридические законы. Так было, например, в Швеции и Венгрии, где законы усваивались в песенной форме и сохранялись в течение жизни ряда поколений³⁰. В Галлии друиды должны были заучивать наизусть громадное количество стихов, в которых были изложены все науки того времени; обучение длилось около двадцати лет, после чего друиды передавали эти знания ученикам. Б. Д. Греков, указывая на свидетельство об этом Цезаря, подчеркивал особое значение ритмической формы для запоминания текста³¹.

Известное положение Миклошича и Вильмарксé о том, что народный эпос в общем современен изображаемым событиям или хотя бы живому их впечатлению на народ, подтверждается множеством новых материалов. Так, песни у адыге «сочинялись и пелись тотчас же после смерти героя», причем создавались они людьми, хорошо знавшими героев. О смерти популярного в народе воина — Кучука песню сложила его вдова. Ашуг Цуг Теучуж сложил поэму о Мафоко Урсбие. Весьма примечательна история сложения песни «Кабартаеме ячештеу» о «ночи ужаса». В XVII в. однажды ночью на Малую Кабарду напали враги, и хотя они были отражены, но в народе сохранилась память об этой ужасной ночи. По преданию, тогда были специально избраны в народе певцы для создания песни обо всем этом: «уединились в лес, чтобы сложить песню об этом крупном событии, каждое княжество ставило перед ними требование, чтобы песня открывалась именем данного князя»³². Новейшие исследователи казахского фольклора считают, что первоначальная эпическая песня здесь — импровизационная песня героико-величального жанра. При этом «импровизации и героические песни и сказы создаются участниками военной борьбы с джунгарами или непосредственно вслед за событиями, их породившими, или одновременно с ними»³³. Казахский эпос помнит пути передвижения казахских родов в годы «великого бедствия» (1723) — нападения джунгаров. Данные об этих путях «совпадают во всех этических текстах», которых, кстати говоря, много. Со времени тех событий прошло уже 230 лет³⁴.

Можно ли удивляться, что все народы с особым уважением относятся к своим эпическим песням? Такое отношение имеет традицию, уходящую в эпоху первобытно-общинного строя. Мы находим эту традицию, например, у отсталых в прошлом народностей Китая: «Из поколения в поколение эпические песни, сказания, легенды, предания, исторические обычаи передавались молодежи народа сани устно — старейшинами родов, теми же бумо или сказителями»³⁵. Молодежь этого народа специально изучает

³⁰ В. Иконников, Указ. раб., Дополнения, стр. 1.

³¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953, стр. 400.

³² «Адыгэ Ордэхэр. Адыгейские (черкесские) народные песни и мелодии», Сост. и редактор А. Ф. Гребнев, М.—Л., 1941, стр. 156; см. также стр. 148 и др.

³³ Н. С. Смирнова, Проблема исторического и эпического в казахской литературе XVIII в., «Вестник АН КазССР», 1948, № 5, стр. 58—59.

³⁴ Н. С. Смирнова, Очерки казахской литературы XVIII в. Докторская диссертация, стр. 175. Рукопись хранится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина. Об историзме казахского эпоса см. также: В. М. Жирмунский, Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии, Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1938, стр. 46—50, 56—57.

³⁵ «Эпические сказания народов Южного Китая», Перевод, статья и комментарий Б. Б. Вахтина и Р. Ф. Итса, М.—Л., 1956, стр. 179.

эпические песни³⁶. У мяо двенадцатилетние мальчики, считающиеся уж взрослыми, вместе со своими сверстниками начинают обучаться песням своей народности³⁷.

Все это свидетельствует о большом значении в первобытно-общинном и раннефеодальном обществе слагателей и хранителей эпических песен. Б. Д. Греков пишет, что «во времена, предшествующие письму, определен ный круг песен имел и значение истории... Главная задача устного твор чества на исторические темы — это сохранение в памяти народов героев их имен и подвигов; большое внимание уделялось также генеалогии геро ев, незаметно переходившей в хроникку событий, связанных с определен ным историческим лицом... Это явление общечеловеческое. Естественно, что оно имело место и у славян, и у антов-руси в частности»³⁸. Дей ствительно, нет ни малейших оснований сомневаться в том, что такую же роль играл эпос и в Киевской Руси, что здесь он имел те же задачи и, значит, часто являлся специально создаваемым историческим источником. Кирилл Туровский понимал задачи «песнотворцев» примерно так же, как и задачи историков: «Якоже историци и ветиа, рекше летописци и песно творци, приконяють своа слухы в бывшая между царей рати и ополче ния, да украсять словеса слышащая и възвеличать крепко (храбровав шая и) мужестзовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчають. колми паче нам лепо есть и хвалу к хвалу приложити храбрьмь и великимь воеводам бо жиймь»³⁹.

Таким «песнотворцем» являлся на Руси, например, Боян. Его песни, воспевавшие ряд событий XI в., были известны значительно позднее; ведь автор «Слова» цитирует их более чем через сто лет после их создания. Летописцам известен также «словутный» певец Митуса, «не восхотевший» служить галицкому князю Даниилу. «Песнотворцы» представляли собой, как это ясно из приведенного выше отрывка из «Слова» Кирилла Туров ского, особый разряд деятелей древнерусской культуры; их произведения были посвящены конкретным историческим событиям: Боян воспел, на пример, Мстислава Тмутараканского, зарезавшего Редедю на глазах ка сожских войск. И естественно, что летописцы относились к образам подоб ных песен с доверием. В науке уже неоднократно указывались те места летописей, где, по мнению исследователей, были использованы материалы песен и былии, выявлялись и следы песенного склада в соответствующих местах летописи. «Не только правдоподобно, но и вполне закономерно, — пишет Б. Д. Греков, — такое прямое воздействие устного стиха на пись менную прозу. Наши первые историки-летописцы считали народное твор чество вполне доброкачественным материалом, которым можно пользо ваться для задач правдивого изображения прошлого, и придавали этому материалу силу доказательства»⁴⁰.

Совершенно ясно, что народные песни, сообщавшие о событиях, не были простой фиксацией происшествий. Они выражали определенное умо настроение певцов — выразителей идеологии трудящихся масс — и были поэтому могучим идейно-воспитательным средством, популяризовавшим передовые народные идеи и, в частности, идеи единства Русской земли и борьбы с социальным угнетением.

Вообще ни в коем случае нельзя противопоставлять создание произве дений в целях сохранения памяти о действительных событиях задачам общественно-воспитательным. Исторические события для того и изобра жаются в фольклоре, чтобы память о них и их образы, действуя на

³⁶ «Эпические сказания народов Южного Китая», стр. 179.

³⁷ Там же, стр. 191.

³⁸ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953, стр. 400.

³⁹ «Слово на собор святых отец». Сб. «Памятники древнерусской церковно-учи тельной литературы», под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 167.

⁴⁰ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 402—403.

ознание читателей и слушателей, воспитывали их в патриотическом духе, требовали следовать приведенным примерам.

Из утверждения, что песни возникали с целью фиксации исторических событий, вовсе не следует, что они создавались господствующим классом в своих целях. Из двух направлений в устном творчестве основным и доминирующим было творчество широких народных масс, а не социальной верхушки. Сохранившиеся до нашего времени былины уже во время возникновения должны были иметь в своей основе демократическую, прогрессивную идейность, иначе они не могли бы существовать столь долго в устной традиции.

Политические песни возникали чаще всего в народе; они вызывались необходимостью сообщить о тех или иных событиях, и, таким образом, песня совмещала задачи подъема духа народных борцов и информации. Примеры выполнения таких задач народной песней (правда, уже XIX в.) дают чешские народные песни. Как рассказывает М. Буреш⁴¹, наиболее острые народные политические песни связаны с кровавыми событиями на ткацкой фабрике барона Либита в Сварове у Железного брода, когда было расстреляно много рабочих, боровшихся против произвола администрации и дикой эксплуатации. В отличие от газет, искажавших факты в угоду барону, песни правильно освещали события. Часть «сваровских» песен анонимна, авторы других известны. Песни исполнялись на рабочих сходках, некоторые были потом напечатаны.

Я ни в коем случае не переносу этих данных, относящихся к новому времени, в раннефеодальную эпоху, но, я думаю, трудно возражать против того факта, что и в древности создавались песни для оповещения народа о важном происшествии, т. е. специально для информации.

Песни, служащие сохранению в народе памяти о том или ином событии, продолжают создаваться и ныне, особенно в тех случаях, когда исключена возможность использования прессы. Так, известный западноукраинский писатель Гаврилюк, находясь в фашистской тюрьме, создал песню «Плакаты», которую послал в село, чтобы она «висела» как такой плакат, который снять невозможно⁴². В одной из сложенных в гитлеровских лагерях смерти еврейских народных песен, записанных экспедицией АН УССР в Черновицах в конце 1940-х годов, безымянный автор говорит о том, что он создал эту песню для того, чтобы люди не забыли о фашистских зверствах и ненависти к фашистам не утасла.

Или вот еще не менее убедительный пример. В конце XIX в. обманутые агентурой заокеанских капиталистов эмигранты-галичане специально создавали песни, рассказывающие об истинном положении вещей, чтобы предупредить земляков и тем прекратить дальнейшую эмиграцию. Одна из них помещена в сборнике, изданном под редакцией Ивана Франка:

А тисячу вісімсот літ дев'яност п'яти,
Прийшла пісня з Бразилії, варт ї переймати.
А хто її перейме, той буде сьпівати...

Дальше следует сообщение о том как «агенты нас подурили»...⁴³.

Как видим, в самом тексте песни содержится совет выучить ее и исполнять для других.

Разумеется, имелись и другие причины, стимулировавшие возникновение песен с историческими мотивами. — одной из них было стремление певцов рассказать о своих переживаниях, связанных не только с конкретным событием, но, еще чаще, с существующей политико-экономической ситуацией. Так возникли многочисленные песни о крепостном праве и о его

⁴¹ М. Bureš, Lidova poesie bojující, Praga, 1951.

⁴² См. О. Гаврилюк, Оповідання і вірші, Львів, 1950, стр. 38.

⁴³ См. М. П. Павлик, Пісні про Бразилію, «Етнографічний збірник», V, 1898, стр. 239.

ликвидации. Кстати, песни, направленные против феодального закабаления, могли возникать даже еще в раннефеодальный период; были тогда вероятно, и песни, обличавшие усобицы князей. В них могли упоминаться конкретные исторические события и личности. В поздних песнях крепостных, например уходивших от барщины за Дунай, порой упоминается императрица Екатерины, весьма способствовавшей усилению крепостного права на Украине⁴⁴.

Рассматривать все причины возникновения исторических песен (и былин) здесь нет возможности. Подчеркнем лишь, что одной из самых важных причин являлась необходимость как для народа, так и для складывающегося раннефеодального государства фиксирования своей истории и закрепленных традиций песнями, что влекло за собой особо бережное отношение певцов к упоминаемым в произведениях событиям и именам. Такое отношение и закрепилось в традиции, хотя, конечно, некоторые изменения были неминуемы.

Характерно, что народ очень резко отличает былины от песен, относясь к первым несравненно более серьезно. Интересно, например, что во многих местностях в великий пост песни петь нельзя, а старины — можно⁴⁵.

Очень серьезно и с большим доверием относилась к былинным текстам основная масса сказителей, с которыми познакомились собиратели XIX в. Большая часть певцов стремилась возможно точнее воспроизвести содержание произведения и убедить слушателей в их достоверности. Известно высказывание А. Гильфердинга: «...Множество признаков убедили меня, что севернорусский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, — безусловно верят в истину чудес, которые в былинах изображаются». Гильфердинг дальше сообщает, что слушатели верили во все то, о чем поется в былинах, «как если бы дело шло о событиях вчерашнего дня; правда, необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном»⁴⁶. Скептики встречались среди сказителей чрезвычайно редко⁴⁷. Один из сказителей на все сомнения в достоверности необычайных вещей, встречающихся в былинах, отвечал, что в старину «люди были вовсе не такие, как теперь»⁴⁸. Все собиратели свидетельствуют, что большая часть сказителей старалась передать текст так, как исполнял тот сказитель, от которого былина была усвоена.

Доказательством стремления сказителей к точности передачи текста может быть и такое свидетельство Гильфердинга: «Когда я замечал им, что они пропустили что-нибудь или спели нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это место, но никому в голову не приходило сгладить пропуск или нескладницу собственным измышлением. Обыкновенно же, хотя бы указана была в былинах явная нелепица, сказитель отвечал: «так поется», а про что раз сказано, что «так поется», то свято; тут, значит, рассуждать нечего... Не раз сказитель, пропев про князя Владимира какой-нибудь стих, весьма к нему непочтительный, просил за это не высказывать, потому-де мы сами знаем, что нехорошо так говорить про святого, да что делать? Так певали отцы, и мы так от них научились»⁴⁹.

Для рябининской традиции характерно классически строгое отношение к содержанию былины; особенно это касается Ивана Трофимовича Ряби-

⁴⁴ См., например, «Пісня кріпосних втікачів» в сб. «Думи та історичні пісні», Сост. М. Плисецкий, Київ, 1941, стр. 231.

⁴⁵ См., например, А. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, Прага, т. II, 1924, стр. 26.

⁴⁶ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, изд. 4-е, т. I, М.—Л., 1949, стр. 36.

⁴⁷ Гильфердинг называет лишь двух таких сказителей; оба были начитанными людьми и старообрядцами (стр. 37). Старообрядчество связано с отрицательным и скептическим отношением к «мирским песням» (см. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, т. I, СПб., 1909, стр. XVI).

⁴⁸ А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб., стр. 37.

⁴⁹ Там же, стр. 53—54.

нина и Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Иван Трофимович возмутился, когда педагоги женского учебного заведения попросили его пропустить некоторые строки, которые они сочли неприличными; он сказал: «На то она и старинка, что как старики певали, так и нам петь надо!.. Сам знаешь, не нами сложилась, не нами и кончится»⁵⁰. Настаивала на верности былин историческим фактам и такая выдающаяся сказительница, как Н. С. Богданова (Зиновьева)⁵¹. Убежден был «в справедливости всего, о чем говорится в былинах», и алтайский сказитель Леонтий Тупицын⁵². Онежский сказитель А. Б. Суриков, как сообщали собиратели, «глубоко верит в правду, реальность излагаемых... сюжетов, любит размышлять о содержании былин и песен, пытаясь примирить встречающиеся противоречия»⁵³. Содержанию былин верил и один из виднейших сказителей на Кулое Е. Д. Садков⁵⁴.

Именно на основании многих подобных материалов В. Ф. Миллер категорически заявил о полном доверии певцов к былинам, причем не только к их историческим данным, но и к элементам фантастики⁵⁵.

Нужно сказать, что среди некоторой части сказителей заметно и иное отношение к текстам. Общеизвестно, что весьма свободно изменял былевые сюжеты Шеголенок, что А. Сорокин предлагал Гильфердингу спеть былинку «так или иначе». Довольно свободно относилась к былевым текстам и создавала иной раз совершенно новые редакции А. М. Крюкова. Одну из таких ее редакций недавно подробно рассмотрела А. М. Астахова, дав общую оценку поэтической деятельности сказительницы и указав, что по своей творческой манере она до некоторой степени приближается к своей дочери — М. С. Крюковой, являющейся типичным сказителем-импровизатором⁵⁶. Нельзя, однако, обойти совершенно определенное замечание А. Крюковой, говорившей, что «проклять будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин»⁵⁷. Само по себе это замечание явно связывает творчество А. М. Крюковой с классической традицией. Весьма ценно сообщение Р. Липец о взглядах самой М. С. Крюковой: «Исторически достоверными она считает только былины золотицкие, лишь отчасти мезенские, все же сборники из других районов она не может читать без сильного раздражения — «всё врак!», все, по ее мнению, искажено и перепутано»⁵⁸.

Остается лишь выяснить стимулы, заставлявшие мать и дочь Крюковых (как и Сорокина и некоторых других сказителей) отходить от этой традиции. Известную роль здесь, как видно, сыграло стремление певца особо выделить себя перед собирателем, занять какое-то особое место, проявить исключительное личное мастерство.

Ясно одно — такое отношение к былинным текстам явно более позднее, вторичное; его усиление, вероятно, в какой-то мере связано с собирательской работой.

Стремление точно передать текст характерно для сказителей любого героического, особенно именно исторического эпоса. Н. Семенов свидетельствовал о ногайских сказителях, что они «исторические факты вос-

⁵⁰ «Этнографическое обозрение», кн. 23, 1894, стр. 119.

⁵¹ «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 2, М.—Л., 1956, стр. 289.

⁵² См. письмо С. И. Гуляева к Л. Майкову, «Былины и песни Южной Сибири», Новосибирск, 1952, стр. 302.

⁵³ «Онежские былины» («Летописи», Гос. лит. музей), стр. 536.

⁵⁴ А. Григорьев, Указ. раб., т. II, стр. 146.

⁵⁵ В. Миллер, Былинное предание в Олонецкой губернии, «Русская мысль», 1894, кн. III, стр. 6.

⁵⁶ А. М. Астахова, Былинный эпос, «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 2, стр. 251—253, 293—296.

⁵⁷ А. Л. Маслов, Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад, «Труды музыкально-этнографической комиссии», т. II, М., 1911, стр. 307.

⁵⁸ «Былины М. С. Крюковой», записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец, вводная статья Р. Липец, «Летописи», Гос. литературный музей, М., 1939, стр. 25.

производят с точностью летописца»⁵⁹. Так обстоит дело и с исполнением рун «Калевалы», несмотря на то, что они имеют менее выраженный исторический характер. «Певцы рун, подобно русским сказителям,— пишет современный исследователь,— чаще всего с замечательной бережливостью передавали заученные песни своим потомкам, стараясь не исказить не только фабулу, но и каждую строку. Поэтому даже при устной передаче от одного рунопевца к другому, через десятки поколений много рун дошло до нас в поразительной сохранности. Они ярко характеризуют ту эпоху, когда были созданы»⁶⁰. Исполнитель бурятского эпоса считает, что он не имеет права «ничего от себя ни прибавлять, ни убавлять, ибо за такое своеволие он, по всеобщему убеждению, расплачивался своей душой»⁶¹.

Певцы эпических произведений очень часто стараются каким-либо образом подчеркнуть правдивость их повествования. Достоверность текста они как бы хотят подтвердить обычной концовкой «то старина, то и деянье»⁶². А. В. Марков замечает, что старины посвящались конкретным лицам, так как недаром в заключительных словах поется, что такому-то «славу поют, старину скажут»⁶³. В украинских думах обычна концовка, в которой упоминается, что герой умер, но слава его не умрет, например:

Правда, панове, полягла Кишки Самійла голова
В Києві — Каневі монастирі...
Слава не вмере, не поляже!⁶⁴.

В эпосе историзм очень часто подчеркнут стремлением певца указать точное время и место события. В старейшей записи думы о Самийле Кишке (первые годы XIX в.) так сообщается о времени возвращения его из плена и о его смерти:

Приехал Кишко Самийло, гетман запорожский,
в осени о Покрове,
Та умер в Филиповку об Николае⁶⁵.

Приведем пример из исторической песни:

Не дивуйтеся, добрії люди,
Що на Україні повстало:
Ой за Дашевом під Сорокою
Множество ляхів пропало⁶⁶.

Достоверность содержания произведения иной раз певцы подчеркивают с первых же слов. Вот начало словацкой песни о сожжении Миявы немцами (1621):

Poslyšte, krest'ane, noviny pravdivé⁶⁷.

Украинские исторические песни и баллады о местных событиях, о чрезвычайных происшествиях также часто начинаются с обращения к слуша-

⁵⁹ Н. Семенов, Туземцы северо-восточного Кавказа, СПб., 1895, стр. 483.

⁶⁰ С. С. Гадзяцкий, Карелия в IX — первой четверти XIII в., «Очерки истории СССР», ч. I, М., 1953, стр. 703—704.

⁶¹ «Аламжи-Мерген», Вводная статья Г. Д. Санжеева, М.—Л., 1936.

⁶² На это было обращено внимание еще 126 лет тому назад (См. Е. Макаров, Листки из пробных листков для составления истории русских сказок, «Телескоп», М., 1833, ч. 17, стр. 123—131, 385—399; ч. 18, стр. 111—132, 343—358. См. ч. 18, стр. 123).

⁶³ А. Марков, Свидетельства о термине «старина» (былина), «Этнографическое обозрение», 1912, кн. 92—93, стр. 219—221.

⁶⁴ «Українські народні думи та історичні пісні», Київ, 1955, стр. 48.

⁶⁵ П. Житецкий, Мысли о народных малорусских думах, Киев, 1894, стр. 233.

⁶⁶ П. Кулиш, Записки о Южной Руси, т. II, СПб., 1857, стр. 252.

⁶⁷ «Historické piesne», Tetstý a komentáre pripravil R. Břtáň. Úvod napísal A. Melicherčík, Bratislava, 1953, стр. 105.

телям с просьбой обратить особое внимание на описываемое событие, причем само собой разумеется, что рассказ будет правдивым:

Чи чуєте, люди добрі, що хочу казати,
Бо я хочу Штелюкові співанку співати⁶⁸.

Чу чули ви, люде добрі, такої публіки,
Пішли хлопці в гайдамахі із нашої Ріки⁶⁹.

Чи чули ви, добрі люде, як звони звонили,
Та де жь мого товариша в Белесені ймили⁷⁰.

Таким же обращением начинаются и словацкие «ярмарочные» песни:

Postojte, občania, piseň sí posuňte...⁷¹.

Достоверность рассказанного факта в балладах порой подчеркивается указанием на то, какое отношение имел их автор к герою происшествия; это указание как бы играет роль авторской подписи, заверяющей текст. Песня об убийстве Степана Нестерюка заканчивается так:

А вже тобі, Нестерюку, співанка зложена.
Ой у саду, у садочку зазуля ковала,
Тоту собі співаночку сестричка складала,
Вона собі іскладала, все єї співала,
Щоби брата, Степаночка, та не забувала⁷².

Еще более характерно окончание одной буковинской баллады о трагической гибели крестьянина по имени Власий:

Ой ковала зозулечка, тай сіла на тоці,
Цей припадок, люди, стався в двадцять сьомім році.
Ой ковала зозулечка, камень покочила,
Цю співаночку покойному склав Лисько з Бурила.
Всі зірнички та й на небі, місяць припізнівся,
Тужив Лисько за Власієм і піснею пожурився⁷³.

В словацкой песне о Мурамском замке сообщается имя автора, указывается, что он был свидетелем событий, и приводится их дата⁷⁴.

Исполнители героического эпоса настолько уверены в том, что поют «песню правды», что порой даже отказываются исполнять те песни, прав-

⁶⁸ Я. Головацкий, Народные песни Галицкой и Угорской Руси, т. III, вып. 1, М., 1878, стр. 59.

⁶⁹ Я. Головацкий, Народные песни Галицкой и Угорской Руси, т. I, М., 1878, стр. 162.

⁷⁰ Там же, стр. 161.

⁷¹ A. Melicherčik, Spoločensky spev na Slovensku, Bratislava, 1944, стр. 15. Интересно, что «ярмарочные» песни исполнялись с соответствующим реквизитом. Ярмарочный певец носил с собой плакат, на котором была записана основная часть текста песни. При пении исполнитель показывал на плакате соответствующее место. Это способствовало усвоению песни слушателями.

⁷² Я. Головацкий, Народные песни Галицкой и Угорской Руси, т. I, стр. 56

⁷³ Записано в с. Виженцы (Северная Буковина) в августе 1940 г. от К. Клема, 19 лет. Фонды Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Материалы экспедиции в Буковину, 1940 г., № 45.

⁷⁴ «Historicke piesne», стр. 61.

дивость которых им представляется сомнительной. Знарок сербо-хорватского эпоса М. Мурко приводит типичный факт: один певец из Боснии не хотел петь песню о смерти Францишека Дердинада, поскольку ее исполняют в трех вариантах и он не знал, который из них верный⁷⁵.

Характерно, что отношение сказителей к сказкам совершенно иное, и народ говорит «Сказка — складка, а песня — быть» или даже «Сказка — врач, а песня — быть». «Детское это» — пренебрежительно отозвался о сказках исполнитель былин Егор Суриков⁷⁶. Николай Торопов сказок «вовсе не знал и относился к ним пренебрежительно, называя их „враницами“»⁷⁷. Такого же мнения был Ф. Грибанов: «О сказках отозвался пренебрежительно: „О, эти пустяковины знал, когда молод был, о Еруслане Лазаревиче да о Бове; а вот о старинах и теперь размышляю, что это правда была“»⁷⁸. Современные сказители очень редко противопоставляют былины сказкам. Вот типичное сообщение об отношении одного из сказителей к обоим жанрам: «К былинам Самылин сохранил большое уважение, в 1926 г., во время записи, он с трогательным старанием пытался восстановить в памяти забытое. Иное отношение он высказывал к сказкам: „Сказки, — говорил он, — неинтересны, другое дело старины“»⁷⁹. Очень хорошо это различие в отношении сказителей к сказке и к былине ощутил еще В. Г. Белинский: «Есть большая разница между поэмою или рапсодом и между сказкою. В поэме поэт как бы уважает свой предмет, ставит его выше себя и хочет в других возбудить к нему благоговение... Отсюда происходит большая разница в тоне того и другого произведения: в первом — важность, увлечение, иногда возвышающееся до пафоса, отсутствие иронии, а тем более пошлых шуток; в основании второго всегда заметна задняя мысль, заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и что внутренне смеется над собственным рассказом»⁸⁰.

Наблюдения автора данной статьи над бытованием сказок также подтверждают это положение. Современная крестьянская аудитория слушает первоклассного сказочника с вниманием, следя за замысловатыми фантастическими образами волшебной сказки, остроумными сюжетными ходами или удачными репликами героев бытовой сказки, но никто из слушателей, за исключением детей, не верит в правдивость ее происшествий.

Стремление сказителя передать текст произведения в сохранном виде может объясняться двумя основными причинами: ритуальным значением произведения (например, заговоров и заклинаний) или желанием сохранить память о важном событии или о героической личности. Первая причина для былинного эпоса (или во всяком случае для большей части дошедших до нас сюжетов) отпадает, зато вторая играла в его развитии исключительно важную роль. Мы видим, что для основной массы сказителей правдивость не была условной; образы былин считались достоверными, иначе для чего бы певцам стремиться возможно точнее воссоздать содержание. «Сохранение исторически ценного в историческом эпосе, — как пишет Д. С. Лихачев, — есть результат сознательного, исторического отношения народа к содержанию эпоса»⁸¹.

В историческом эпосе необходимость сохранения в тексте достоверных данных сказывается несравненно сильнее, нежели в других жанрах. Есте-

⁷⁵ М. Мурко, Предисловие к т. XI «Prace slovanskeho ústavu v Prase», Прага, 1933, стр. XIV.

⁷⁶ А. М. Астахова, Былины Севера, т. I, М. — Л., 1938, стр. 478.

⁷⁷ А. М. Астахова, Былины Севера, т. II, М. — Л., 1951, стр. 10.

⁷⁸ Там же, стр. 467.

⁷⁹ Там же, стр. 377.

⁸⁰ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1954, стр. 354—355.

⁸¹ Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М. — Л., 1952, стр. 51.

ственное для талантливых певцов стремление улучшить образ при его воссоздании, теснее связать с переживаемым моментом, актуализировать, заострить его социальную направленность, модернизировать социальные конфликты и т. п. в историческом эпосе тоже имеет место, но в значительной мере сдерживается необходимостью сохранить достоверность содержания. В древности этого требовал также контроль слушателей, которым могли быть хорошо известны описываемые события или хотя бы соответствующие предания.

Из сказанного следует, что развитие героического эпоса в период разложения общинного строя и особенно в раннефеодальный период вызывалось общественными задачами, связанными с возникновением классов и складыванием государственности. Данный жанр был не только орудием идейного воспитания населения, но в то же время был средством информации и более или менее надежным историческим источником, своего рода государственным документом, подтверждавшим сведения о тех или иных победах над противником, те или иные факты дипломатического и торгового характера и проч.⁸²

Некоторые выводы. Одной из важных причин, стимулировавших возникновение и расцвет героического эпоса, была в период возникновения и становления государственности и пробуждения национального сознания настоятельная потребность общества в фиксации своей истории. Эта потребность вызывалась как воспитательными задачами общества, так и целями правовыми, дипломатическими и другими. В этом отношении эпос (как и исторические предания) был призван служить тем же задачам, которые выполняло и летописание. Отношение певцов русских былин к тексту, их стремление к точности его передачи, убежденность в достоверности содержания и стремление ее подчеркнуть и доказать, противопоставление былин сказкам свидетельствуют о былевом эпосе как об эпосе по преимуществу историческом.

Исторический эпос должен был интенсивно развиваться именно в условиях первых значительных социальных катаклизмов. Это означает, что расцвет былевого эпоса нужно относить уже к раннефеодальному периоду, а возникновение эпоса исторической тематики — к поздней стадии первобытно-общинного строя.

SUMMARY

Among the reasons which stimulated the rise and development of heroic epos was, in the period of the emergence of the state and the dawn of national consciousness, the urgent need felt by society of recording its history. This was called for by society's educational tasks and its legal, diplomatic and other functions. In this respect, epic poetry served the same purposes as chronicle writing. The attitude taken by the reciters to

⁸² В данной статье я остановился лишь на некоторых причинах, обуславливавших расцвет восточнославянского героического эпоса в эпоху, когда впервые складывались на Руси классы, развивалось национальное сознание, восточнославянские племена осознали свое единство и стали рассматривать «землю Русскую» как единое целое, — в эпоху, когда создавалась русская государственность. Других условий возникновения героического эпоса я здесь не буду разбирать, тем более, что пытался осветить этот вопрос в одной из довоенных работ (М. Плисецкий, Умови творення в епосу в Київській Русі, «Літературна критика», 1940, № 11—12, стр. 76—91). Историки указывают на возникновение политических образований в VI и VIII вв. и на «интенсивный процесс классовобразования у восточных славян» в эти столетия. (Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 117. См. также его труд «Борьба Руси за создание своего государства», М.—Л., 1945, стр. 15—46). Поэтому представляется необходимым осторожно подойти к приурочению определенных эпических героев и целых произведений к периоду еще более древнему, нежели время зарождения классового общества. Попытки же вынести весь былевой эпос за пределы феодализма игнорируют самое существование в русских былинах: идеи единства Русской земли, необходимости обороны всей страны от кочевников, образ Киева — как центра страны, и др.

their narrative — e. g. by the Russian byliny tellers — their striving for accurate rendering, their belief in the authenticity of the events (they constantly sought to emphasize and prove it), and the fact that the byliny were contrasted to fairy tales, all characterize this type of epos as a primarily historical genre.

The development of historical epos was necessarily bound up with the first great social upheavals. The emergence of epics based on historical themes should therefore be referred to a later stage of the primitive-communal system, and their efflorescence to the early feudal period.

It should be born in mind that the documentary value of an epic as a historic source was invariably limited by its specific features of a folklore genre — by the current standards of typification and individualization of characters and poetical canons characteristic of the folklore of the given people in general, and its epic poetry in particular. At the same time the rhythmic quality of the epics helped to commit them to memory and thus to preserve in unrecorded form the history of the people.
